

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ: СЕМИОТИКА VS ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-13

КОНКРЕТНО: СИНТАКТИКА БЕЗ СЕМИОТИКИ?

А. В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6
Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 26.12.2022 г.
Принята к публикации 09.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9

В статье обсуждается соотношение формально-грамматических и семиотических объяснений на примере казуса с обнаружением древнерусской частицы ТИ₁, 'действительно', 'конкретно', 'реально'. Семиотика и лингвистика могут пониматься как разнонаправленные программы исследования: первая изучает общие свойства знаковых систем, а вторая – специфику механизмов естественного языка. Формальные модели грамматики предсказывают позиции классов элементов и отвлекаются от знаковых свойств единиц языка. Словарные описания дают инструкции по употреблению конкретных единиц, что требует выделения лексикографического концепта. Анализ служебных слов допускает оба подхода. А. А. Зализняк с помощью грамматики рангов установил, что частица ТИ₁ была частью древнерусского словаря, но не определил тип ее значения, что не позволило предсказать ее употребления в условном наклонении. Эти употребления доказывают, что ТИ₁ – не маркер наклонения, а показатель верификации, который может относиться как к действительному, так и к возможному миру. Грамматикализация частиц не отменяет необходимости трактовать их как знаки, если целью описания является выявление комбинаторики служебного слова.

Ключевые слова: *естественный язык, лингвистика, семиотика, грамматика, словарь, древнерусский язык, служебные слова, частицы, верификация*

0. Теория языка и семиотика

Целью статьи является оценка соотношения моделей естественного языка с объяснениями, использующими представление о том, что некоторые элементы языка являются двусторонними единицами (знаками¹). Большинство профессионалов имеет устраивающий их вариант ответа, но их ответы не совпадают. В 1920-е годы многие теоретики сводили все

© Циммерлинг А. В., 2023

¹ Понимание знака как односторонней сущности (Morris, 1971) и основанные на нем концепции семиотики, которые один из рецензентов называет 'унилатеральными', в статье не обсуждаются.

явления языка к отношениям между знаками и классами знаков (Karcevskij, 1929). К 1950–1970-м годам модели, опирающиеся на формальные свойства правильно построенных структур, окончательно стали частью аппарата лингвистики. Отказ от них сопряжен с отказом от анализа синтаксической (Chomsky, 1957) и логико-семантической структуры (Montague, 1974). Р.О. Якобсон пытался доказать обратное на том основании, что примеры правильно построенных структур, состоящих из бессмысленных слов (ср.: *Pirots carulize elatically*), или семантически аномальных сочетаний (ср.: *Colorless green ideas sleep furiously* (Н. Хомский)), будучи произнесены или записаны, получают естественно-языковую интерпретацию, где значение фиктивных слов вроде *pirots, carulize, elatically* или сочетаний типа *colorless green ideas* восстанавливается относительно стереотипным образом (Jakobson, 1959; Якобсон, 1985, с. 237). Но этот аргумент связан с подменой предмета дискуссии. Вместо структур *языка*, соответствующих формальной грамматике (Chomsky, 1957), Якобсон предпочитает обсуждать актуализованный *текст*. Пафос его статьи – в универсальности понятий означающего и означаемого: семиотический подход применим к грамматике любого языка, поскольку он подходит к любым актам передачи информации. Грань между семиотикой и лингвистикой зависит от соглашений. Если принять, что семиотика есть экстраполяция любых моделей языкового кода на другие типы сообщений (Ревзин, 1971), можно признать семиотическими и те работы, где язык и музыка объявляются объектами одного плана на том основании, что в них предположительно реализуются те же самые принципы² синтаксиса (Katz, Pesetsky, 2011; Zeijlstra, 2020). При еще более широком понимании семиотика приравнивается к теории систем (ср.: «Семиотика – наука о знаковых системах в природе и обществе. Она близка к кибернетике, которая исследует процессы связи и управления в живом организме, природе и обществе... Кибернетика изучает процессы, семиотика – системы, в которых и на основе которых реализуются процессы» (Степанов, 1998, с. 19)).

В настоящей статье семиотика вслед за (Лотман, 1964) понимается как программа описания всех или большинства *знаковых систем* как вторичных по отношению к естественному языку. Вопрос о том, является ли семиотика научной дисциплиной, не обсуждается. Лингвистика понимается далее как программа исследования, обосновывающая *специфику естественного языка*. Это позволяет представить лингвистику и семиотику в качестве разнонаправленных программ. В разделе 1 уточняется содержание понятий 'лингвистика', 'естественный язык' и об-

² Слово 'принцип' здесь используется в техническом смысле. В лингвистике принято различать *правила построения выражений и ограничительные условия* (= *принципы*), накладываемые на порождение неправильных выражений. В ранних работах Н. Хомского (Chomsky, 1957; 1965), структурализме (Зализняк, 1967) и функционализме (Плунгян, 1994) используются правила построения. В Минималистской Программе (Chomsky, 1999), на которую ориентируются Дж. Катц и Д. Песецкий, правил построения нет: тезис об изоморфизме языка и музыки сводится к утверждению о тождестве условий, соблюдаемых в естественном языке и тональной музыке.

суждается корреляция между формой и значением, устанавливаемая грамматикой рангов. Эта модель задает линейное упорядочение смежных элементов одного и того же синтаксического уровня и присваивает им категориальные пометы. Ее применение позволило А. А. Зализняку в 1993 году выделить новую единицу древнерусского словаря — дискурсивную частицу ТИ₁. А. А. Зализняк пытался установить ее комбинаторику на основе гипотезы о том, что ТИ₁ — показатель 'усиленной индикативности' (Зализняк, 1993, с. 298—308). В разделах 2 и 3 доказывается, что такого значения нет и что предсказать синтактику словесного знака, не выделив словарного концепта, нельзя. Казус с открытием частицы ТИ₁ подтверждает, что грамматические и словарно-ориентированные описания противоположены. Первые моделируют ограничения, распространяющиеся на *классы единиц* (в данном случае — класс древнерусских энклитик, куда входит ТИ₁), а вторые дают носителю языка инструкцию, как правильно употреблять *конкретную единицу*.

1. Естественный язык и лингвистика

1.1. Язык и текст

Естественный язык, то есть средство общения людей между собой, обладает спецификой, достаточной для того, чтобы существовала дисциплина, посвященная его изучению³, — *лингвистика*. Естественные языки противопоставляются *формальным языкам*, то есть множествам высказываний (цепочек символов) над конечным алфавитом. Ядро естественного языка соответствует некоторому формальному языку (Montague, 1974), а одной из задач лингвистики является оценка того, продуктивно ли описание прочих высказываний на основе той же модели, при помощи которой выделено ядро. Наука о естественном языке возникла в начале XX века на почве размежевания с гуманитарными науками, прежде всего — с *филологией*, предметом которой является *текст* как фиксированная вербальная форма⁴. Чтобы получить сведения о языке мира, нужно изучить некоторое множество текстов⁵. Но все

³ А. Мартине видел специфику естественного языка в принципе двойного членения, по которому сегменты текста одновременно участвуют в иерархических структурах плана содержания и плана выражения (Martinet, 1960; Мартине, 1963, с. 376—381). Такой подход опирается на тезис об автономности плана выражения и произвольности языкового знака.

⁴ Еще одним дефиниционным признаком текста Г. О. Винокур и Ю. С. Степанов признают *адресованность* речевого произведения, то есть его коммуникативную направленность (Степанов, 1994, с. 29). Адресат текста определяется его жанром, но тексты, обладающие фиксированной формой, могут быть некоммуникативны. Так, старшие рунические надписи были изначально не предназначены для прочтения: правильное использование алфавита было важнее передачи информации другим людям (Смирницкая, 1994, с. 147—148).

⁵ Массивы текстов при наличии разметки могут быть представлены в виде подготовленных ресурсов — корпусов текста. Это сближает корпусную лингвистику с филологией (Мартине, 1963, с. 394), но корпус как объект исследования не тождествен отдельно взятому тексту в филологическом понимании.

же предметом лингвистики является не текст, а *механизмы* языка, например способы маркирования некоторого значения, ограничения на комбинации или линейные порядки элементов, внутренняя организация морфологических парадигм и синтаксических областей, и *единицы языка*, например, знаменательные и служебные слова, корни, аффиксы, фонемы и т. п. Задачей лингвиста, чем бы он ни занимался — категорией падежа, средствами выражения эвиденциальности, порядком слов, информационной структурой высказывания, речевыми актами угрозы, способом реализации фонемы языка *L*, — является отделение собственно языковых черт от неязыковых, в частности всего того, что связано с особенностями данного текста, данной конкретной речевой ситуации, речевым профилем конкретного информанта и т. п.

Феномен языка, то есть языковая способность или языковая деятельность, может быть предметом междисциплинарного интереса (см. п. 1.3). Отсюда не следует, будто признание языка естественным объектом зависит от принятия определенной философской концепции, как это представлено в (Кравченко, 2022, с. 11); это условие лингвистического анализа. Философия языка лежит за пределами науки о языке. Отдельные лингвисты рассуждают о «метафизике естественного языка» (Bach, 1986; Chao, Bach, 2012), но за этим сочетанием стоят специальные проблемы, связанные с соответствием логики времени (Vendler, 1967) и логики событий (Davidson, 1980) естественному языку, ср. (Galton, 2005; Циммерлинг, 2022a).

1.2. Филологическая и нефилологическая лингвистика

Представление о том, что лингвистика — собственная часть филологии, соответствует установкам ряда тех ученых XX века, которые считали комплексный интерес к языку и словесности благом. Такая установка обычно ограничивается группой памятников, освоение которых является условием вхождения в сообщество лиц, занимающихся соответствующими языками. В некоторых случаях речь может идти о попытке адаптировать лингвистический аппарат к анализу авторского текста Нового времени (Jakobson, 1973) или к жанрам текста, признаваемым архаическими (Heusler, 1969; Смирницкая, 1994). На могиле Р.О. Якобсона (1896–1982) написано: ‘russkij filolog’. Его наследие включает как труды по фонологии и грамматике (Jakobson, 1931; 1939; 1959; Якобсон, 1985), так и комментарии к произведениям Хлебникова и Гёльдерлина (Jakobson, 1973; Якобсон, 1987). Комментарии Якобсона к художественным текстам существенным образом используют лингвистические понятия (Якобсон, 1987, с. 93, 299, 353, 368), в то время как предложенные им модели фонемы и морфемы могут рассматриваться в отрыве от культурных интересов их автора.

Мягкая форма тезиса об автономности науки о языке сводится к констатации того, что в XX веке сложилось разделение на *филологическую* и *нефилологическую* лингвистику. К последней относятся все задачи — от реконструкции праязыков до построения лингвистического процесса, — для которых понимание текста как фиксированной вербальной

формы неактуально. Радикальная форма того же тезиса связана с отказом от рассмотрения в рамках лингвистики произвольных отрезков текста, не соответствующих замкнутым структурам. В таком случае так называемая *лингвистика текста* — завуалированная форма филологии, а все то, что связано с уникальными характеристиками единичной ситуации, эмоциями и культурными установками ее участников, не является предметом лингвистики как науки, ограниченной рассмотрением типовых черт структуры языка (Zimmerling, 2022). Для настоящей статьи неважно, принимается ли тезис об автономности лингвистики в мягкой или радикальной форме. Нет оснований считать, что математическая формализация зависит от свойств объекта, будь то язык, текст, корпус текстов или нечто другое⁶. Уместнее говорить об общей тенденции к жесткому определению стандарта исследования, по выражению И. А. Пильщикова, — «внутренней гигиене» наук (Пильщиков, 2022, с. 38, 42, 80, 90)⁷.

1.3. *l*-лингвистика

В XX—XXI веках получили широкое распространение области исследования, претендующие на междисциплинарный подход. Работающие в них ученые называют их психолингвистикой, биолингвистикой, юридической, политической, теологической лингвистикой и т.п.⁸ В общем виде такие дисциплины можно назвать *l*-лингвистикой, где *l* — область, предположительно пересекающаяся с естественным языком. Современная теоретическая лингвистика не является объединением *l*-лингвистик, так как объединение областей *l*-лингвистик не совпадает с естественным языком. Бремя доказывать обратное лежит на представителях *l*-лингвистики. Здесь и далее утверждения о том, что междисциплинарные исследования лучше или хуже работ, ограничивающихся рассмотрением механизмов языка, не делаются. Тезис автора состоит в том, что для прояснения роли семиотических и несемиотических объяснений в описании языка ограничительное понимание предмета лингвистики необходимо.

1.4. Единицы языка как знаки

Термин ‘семиотика’ понимают по-разному (ср.: Morris, 1971; Степанов, 1998, с. 19, 37—89; Tarasti, 2001). Примем, что семиотика как программа исследований экстраполирует принципы описания естественного языка на другие знаковые системы, которые понимаются как вто-

⁶ Законным предметом формализации является *логико-семантическая связность* (когерентность) *текста*. Ср.: (Глазков, 2022).

⁷ Поддерживая призыв изгонять *Geist* из *Geisteswissenschaften* (Austreibung... 1980; Пильщиков, 2022, с. 32), уточним, что для нас лингвистика не является *Geisteswissenschaft*.

⁸ Ни один из этих терминов не изобретен автором статьи. За каждым из них стоит немало публикаций, авторы которых идентифицируют себя как *l*-лингвисты того или иного вида.

ричные (Ревзин, 1971; Лотман, 1964). По приведенным определениям, семиотика не является лингвистикой и, возможно, не является /-лингвистикой. Специального разбора требуют области языка, где понятие знака как двусторонней сущности неустранимо. Одна из них — стык фонологии (фонематики) и морфологии (морфематики). *Морфема* является минимальным значимым элементом (двусторонней единицей) языка, *фонема* — минимальной смысловозначительной единицей, то есть инструментом различения морфем и слов, которые в частном случае могут состоять из единственной морфемы⁹. Чтобы выделить набор минимальных смысловозначительных единиц языка, необходимо сопоставить их с двусторонними единицами — словоформами и / или их минимальными значащими частями (морфемами), при этом планом выражения морфа, то есть линейного экспонента морфемы, является цепочка <экспонентов> фонем¹⁰ (Мельчук, 1974; Поливанова, Кейдан, 2023)¹¹. Призывы «строить морфологию без морфов» (Anderson, 1992) и «снять морфему с пьедестала» (Аркадьев, 2022) касаются построения морфологической теории, а не связи морфологии с другими уровнями языка¹². Другой областью, где понятие знака неустранимо, является словарное описание. Активное владение словарным концептом ограничивает синтактику единицы¹³, являясь инструкцией, как использовать знак (Апресян, 1996, с. 391), будь то слово с предметным (ср. рус. *деньги, милый, подкалывать*), или непредметным значением (ср. *около, благодаря, ли, же*). Слова с непредметным значением лингвоспецифичны. Эквивалентными способами выявить это являются проверка межъязыковых соответствий или анализ синтактики служебного / дискурсивного слова на фоне других средств выражения сходных значений. Базовые концепты, например значение аддитивности, выраженное сло-

⁹ В авторитетном учебнике для вузов, где слово *семиотика* не употребляется, термин *знак* используется только при введении понятия 'морфема' (Шайкевич, 2005, с. 76), а слово <как элемент словаря> называется *двусторонней лингвистической единицей* (Там же, с. 143), при этом автор учебника не говорит о наличии у слова единого лексикографического концепта.

¹⁰ В частном случае — из пустой цепочки (Jakobson, 1939).

¹¹ Обсуждение статуса фонем уведет в сторону от темы статьи. Различение смыслов является дефиниционной, но не единственной функцией фонемы, большинство теорий признает за фонемой также функции сегментации и делимитации. Допущение, что фонема — единица сегментации, обязательно для уровневых моделей языка и генеративных моделей, адаптировавших фонологию позднего Р. О. Якобсона.

¹² Можно объяснять значения комплексов морфем корреляцией с парадигмами слов, где реализуются категории грамматики, но трудно принять тезис о том, что фонемы различают смыслы, напрямую соотносенные с парадигмами, а не с сегментами, имеющими морфологическую структуру.

¹³ Термин 'синтактика' в лексикографии, по крайней мере в цитируемых работах Московской семиотической школы и в «Модели Смысл ⇔ Текст», употребляется исключительно по отношению к двусторонним единицам (лексемам и идиомам), у которых есть сигнификат. Такое употребление отходит от смысла, который У. Пирс и Ч. У. Моррис изначально вкладывали в термин 'синтактика'.

вом конкретного языка, не являются исключением. Так, чтобы установить специфику осет. *æмæ* ' & ', нужно либо сопоставить эту единицу с рус. *и*, нем. *und*, лат. *-que* и т. п., либо сравнить ее с другими показателями аддитивности в том же языке (ср.: Беляев, Хомченкова, 2022). Второй способ применяется ниже к древнерусской частице *ТИ₁*, которая в разделе 3 сравнивается с другими показателями верификации в древнерусском языке.

1.5. Служебные слова: семиотика против типологии

В русистике популярна высказанная В. В. Виноградовым точка зрения о том, что лексическое значение есть только у *знаменательных* слов (content words), в то время как *служебные* слова (functional words) не являются элементами словаря и непосредственно кодируют те или иные грамматические отношения или категории (Виноградов, 1972, с. 520). В типологии можно найти сходные мнения: так, М. Хаспельмат утверждает, что статус слов есть лишь у элементов, выражающих представления о предмете, признаке или процессе, а предлоги, союзы, частицы и связки не являются словами (Haspelmath, 2022). За тезисами В. В. Виноградова и М. Хаспельмата стоит идея о том, что служебные слова не являются знаками либо от их знаковых свойств можно отвлечься. В семиотической программе все морфологические выражения трактуются как знаки (Martinet, 1960; Мартине, 1963, с. 371–373). При этом неважно, считаются ли предлоги, союзы, частицы или связки словами, приравниваются ли они к корням или аффиксам или же признаются особым классом выражений, как в (Николаева, 2008).

1.6. Частицы

Рамочный термин *частицы* (particles), то есть выражения, определяемые отрицательно как служебные слова, не являющиеся предлогами, послелогами, союзами, частицами и связками, не соответствует никакому классу слов, выделяемому по принципам общей грамматики (Zwicky, 1985). В области частной лингвистики тем не менее сложился примерный консенсус о том, какие выражения уместно отнести к ряду частиц в немецком, датском, русском, древнегреческом и т. д., и какие тесты отделяют частицы от знаменательных слов этих языков (Thurmair, 1989; Abraham, 2010; Крылова, 2021). Имеются описания служебных и / или дискурсивных слов, выполненные в формате статей *активного словаря* языка, являющихся инструкциями для говорящих¹⁴ (ср.: Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993; Левонтина, 2023).

¹⁴ Ю. Д. Апресян определяет лексикографическое портретирование как фрагмент интегрального словарно-ориентированного описания, «...исчерпывающую и неизбыточную характеристику всех лингвистически существенных свойств данной лексемы в рамках интегрального описания языка» (Апресян, 1996, с. 391).

1.7. Инвентарь объяснений

Направления и школы можно оценивать с точки зрения их вклада в обогащение аппарата исследования. Вкладом генеративной лингвистики, независимо от мнений ее разработчиков о природе универсальной грамматики, является введение в описание отрицательного языкового материала (аномальных выражений со знаком ‘*’) и привлечение внимания к соотношению естественных и формальных языков. Не претендуя на оценку лингвистического структурализма, отметим несколько идей, вошедших в инвентарь современной науки:

- представление о замкнутости фонологических и грамматических систем и самодостаточности внутрисистемных факторов (Trubetzkoy, 1931; Jakobson, 1931);
- использование бинарных признаков для описания как звукового, так и грамматического строя. Фонологические оппозиции, прежде всего *привативные*, как модель для грамматических оппозиций, прежде всего *словоизменяемых*. Представление о том, что грамматика любого языка может быть представлена в виде иерархии *релевантных признаков*, имеющих бинарную структуру;
- Критерий *обязательности* как основа грамматики (ср.: Jakobson, 1959; Зализняк, 1967) или, по крайней мере, теории словоизменяемых оппозиций (Плунгян, 1994).

Прямолинейное следование этой программе не позволяет описать возможности языка, но ее требования в своей совокупности или по отдельности составляют идеал, приближение к которому часть лингвистов признает желательным. Кратко остановимся на двух способах представления языковых значений. В простейшем случае значения задаются в виде бинарных признаков ‘±A’, ‘±B’, и исследуется их комбинаторика. Предполагается, что элементы или множества элементов языка этим значениям соответствуют, не столь важно как (табл. 1).

Таблица 1

Матрица признаков (образец)

	+A	-A
+B	1	1
-B	1	0

Линейное упорядочение сегментов требует более сложных моделей. В некоторых случаях можно принять за основу отношение непосредственного предшествования и построить табличное *правило рангов*, где «рангу», то есть столбцу таблицы, соответствует непустое множество сегментов (табл. 2).

Таблица 2

Правило рангов (образец)

1	2	3	4	5	6	7	8
{a}	{b}	{c}	{d}	{e}	{f ₁ , f ₂ ...f _n }	{g ₁ , g ₂ ...g _n }	{h ₁ , h ₂ ...h _n }

В таблице 2 номера столбцов от 1 до n являются категориальными пометами, сопоставленными классам выражений. Обычно имена этих категорий можно расшифровать понятным лингвисту способом, например, вместо 6 подставить «ДАТ. П.», а вместо 8 — «1–2 л. НАСТ. ВР.». Не столь важно, приписана ли помета знаку (морфеме, словоформе, лексеме) или какому-то другому объекту. Таблица 3 является правилом рангов древнерусских энклитик, выделенным в [Зализняк 1993; 2008]. Во второй строке расшифрована категория элементов, соответствующих каждому рангу; омонимы снабжены нижними индексами и выделены полужирным шрифтом.

Таблица 3

Правило рангов энклитик древнерусского языка

1	2	3	4	5	6	7	8
ЧАСТИЦЫ					МЕСТОИМЕНИЯ		СВЯЗКИ
					ДАТ. П.	ВИН. П.	
<i>же</i>	<i>ли</i>	<i>бо</i>	<i>ти₁</i>	<i>Бы</i>	<i>ми, ти₂, си, ны_{ДАТ}, вы_{ДАТ}, на_{ДАТ}, ва_{ДАТ}</i>	<i>мя, тя, ся, ны_{АСС}, вы_{АСС}, на_{АСС}, ва_{АСС}</i>	<i>есмь, еси, есмь, есте, есвь, есте</i>

1.8. Грамматика рангов и ее предсказания

Правила рангов предсказывают порядок $a > b$ 'а непосредственно предшествует b' для любых двух элементов, упорядочиваемых табличным алгоритмом (template) типа 2 или 3. Они эквивалентны так называемой *автоматной грамматике*, заложенной в голове носителей языков, где имеются фиксированные последовательности энклитик или иных элементов предложения (Циммерлинг, 2021, с. 478–494). Но их можно рассматривать и как обобщения над множеством текстов. Клитики одного и того же ранга не употребляются одновременно. Упорядочение омонимов невозможно без их категориальной идентификации, так, например, др.-рус. *ны* может выражать как значение '1 л. мн. ч. дат. п.', ср. цепочку *ны* (6) *ся* (7), так и значение '1 л. мн. ч. вин. п', ср. цепочку *ти₂* (6) *ны* (7). Все древнерусские энклитики, упорядочиваемые таблицей 3, имеют фиксированную внешнюю позицию во фразе: в простейшем случае ее можно определить как позицию после первого ударного слова предложения (Зализняк, 1993, с. 280; 2008, с. 24–27).

Грамматика рангов работает с элементами, которые соотнесены с категориями, например, «частица» и «местоимение», см. вторую строку таблицы 3. Отвлечясь от того, что правила рангов являются алгоритмами порождающей грамматики (Гладкий, Мельчук, 1969, с. 69–71), и рассматривать их просто как обобщения над материалом конкретного языка, как сделал А. А. Зализняк, можно при условии, что категориальные пометы кем-то уже установлены. Иногда определить категорию элемента, упорядочиваемого грамматикой рангов, нетрудно. Так, элементам рангов 1–3 в таблице 3, древнерусским энклитикам *же*, *ли* и *бо*, логично приписать категорию «частица», поскольку *же*, *ли* и *бо* харак-

теризуются как частицы в существующих описаниях древнерусского языка, а присвоить им пометы «местоимение» или «связка» нельзя. Для элемента ранга 5, оптативного показателя *бы*, выбор категории зависит от решения лингвиста. Исторически *бы* — форма аориста глагола *быти*, а ее интерпретация как частицы опирается на допущение о том, что энклитика *бы* уже оторвалась в раннедревнерусский период от парадигмы глагола *быти*, а глагольное и неглагольное *бы* линейно упорядочивались по-разному, ср. обзор примеров в (Зализняк, 2008, с. 32–34). Элементы, упорядочиваемые грамматикой рангов, помимо категорий, сопоставленных каждому рангу, представляют общую категорию. В таблице 3 такой категорией является «энклитика», то есть слабоударный элемент, стоящий после ударного элемента, или «сентенциальная энклитика», слабоударный элемент, относящийся к предложению в целом, а не к отдельной синтаксической группе (Зализняк, 1993, с. 281; Циммерлинг, 2021, с. 437). Объект, порождаемый грамматикой рангов, называется *цепочкой* (cluster), для языков с правилами типа 3 говорят о *цепочках клитик* (clitic clusters)¹⁵. Парадокс грамматики рангов состоит в том, что в языке может быть единственная пара элементов *a*, *b*, твердо упорядочиваемая при контактном расположении, но ранги всегда соотношены с *множествами элементов*, а не с единицами словаря. Тем самым для одноэлементных множеств {*же*}¹_{PART}, {*ли*}²_{PART}, {*бо*}³, {*ми*}⁴_{PART}, {*бы*}⁵_{PART}, соответствующих рангам 1–5 в таблице 3, грамматика рангов предсказывает лишь те их свойства, которые релевантны для внутреннего упорядочения. Она подтверждает, что общая категория PART («частица») приписана им верно, но не предсказывает те ограничения, которые связаны с дистрибуцией данных частиц и других элементов. Так, частицу ранга 3, др.-рус. *бо*, можно интерпретировать как показатель каузации, то есть средство выражения причинных отношений, но грамматика рангов неспособна предсказать дистрибуцию частицы *бо* и других каузальных показателей древнерусского языка, включая начальный союз *бо*.

1.9. Активное владение языком: словарь и грамматика

Большинство лингвистических теорий претендует на моделирование активного владения языком. Грамматически ориентированные концепции (Chomsky, 1999) используют понятие *сильной порождающей способности*, то есть умение определить, принадлежит ли выражение *x* языку *L* на основе знания о том, как именно *x* порождено. Словарно ориентированные концепции дают инструкции для правильного употребления лексем (Апресян, 1996; 2014–2017) или идиом (Mel'čuk, 2023). При обоих подходах используется отрицательный языковой материал. Однако в инструкциях активного словаря ориентиром служит эталонное употребление единицы, в то время как при анализе сильной порождающей способности правила построения можно заменить рас-

¹⁵ Цепочка клитик является синтаксическим объектом, поскольку у нее есть внешняя позиция в структуре предложения: для древнерусского языка это позиция после первого ударного элемента.

смотрением условий, ограничивающих нежелательные комбинации или порядки. Одни и те же наблюдения при словарном и грамматическом подходе интерпретируются по-разному. В статьях активного словаря для таких русских глаголов, как *проехать*, разумно уточнить, что в дативно-инфинитивных предложениях они обычно сочетаются с одушевленными субъектами, поэтому предложение *Васе (+ ANIM) здесь не проехать* ближе к эталону, чем предложение *Грузовику (- ANIM) здесь не проехать*. Однако в русском языке дативно-инфинитивное предложение можно построить с глаголом любой семантики, поэтому при грамматическом описании этой конструкции правомерно заключить, что она не накладывает ограничений на одушевленность аргумента в дат. п., что отличает ее от конструкции с дативным предикативом, ср.: *Васе было грустно, *Грузовику было грустно* (Циммерлинг, 2020). Граматику любого языка можно представить в виде набора параметрических ограничений (Longobardi, 2005), но в активном словаре такой подход вряд ли реализуем. Тем самым словари активного типа, предлагающие инструкции употребления знаков, и параметрические грамматики, формулирующие ограничения на построение структур (незнаковых объектов), взаимодополнительны.

1.10. Расширение понятия лексикографического типа

Портретирование единиц словаря и выделение лексикографических типов – две стороны интегрального описания языка (Апресян, 1996, с. 391). Стандартное понимание лексикографического типа предполагает помещение слова в ряд слов со сходными дистрибутивными свойствами и обобщенной лексической семантикой. Для частиц это понятие уместно расширить, допустив, что значение, соотнесенное с категорией служебного слова, например ‘маркер каузации’, ‘маркер эмфазы’ и т.п., может выражаться не только словами, но и другими средствами, например предикатными конструкциями или просодией. Это оставляет возможность проверить значение служебного слова, сопоставив его с категориальным значением его типа.

2. Семантика дискурсивных единиц

В этом и следующем разделах определяется значение дискурсивного слова $ТИ_1$, употреблявшегося в древнерусском языке XI–XIV веков.

2.1. Частица $ТИ_1$ в древнерусском языке

Следствием применения грамматики рангов для описания энклитик было открытие древнерусской дискурсивной частицы $ТИ_1$. А. А. Зализняк в 1993 году доказал, что энклитика $ТИ_1$ с синхронной точки зрения является другим элементом, чем энклитическое местоимение 2 л. дат. п. ед. ч. $ТИ_2$ ‘тебе’, так как у них разные ранги: частица $ТИ_1$ (ранг 4) стоит до частицы $БЫ$ (ранг 5), а местоимение $ТИ_2$ (ранг 6) – после нее¹⁶.

¹⁶ Нижние индексы для омонимов введены в (Zimmerling, 2014). У А. А. Зализняка их нет.

Кроме того, TI_1 сочетается с местоимениями и именными группами (ИГ) в дат. п., а TI_2 — нет (Зализняк, 1993, с. 283—284). Частица TI_1 может как быть обособившимся употреблением (*dativus eticus*) местоимения TI_2 , так и иметь иное происхождение; далее ее происхождение обсуждаться не будет. Выделив частицу TI_1 на основе формальных критериев, А. А. Зализняк в книге 1993 года поделил ее употребления на свободные и связанные (Там же, с. 298—308). Значение свободного TI_1 характеризуется так: «Мы полагаем, что исходное, фундаментальное значение частицы *ти* — то, которое проявляется в простом предложении, начинающем новый текст, не связанный тесной смысловой связью с предыдущим. Это значение частицы *ти* может быть приблизительно передано так: «обращаю твое внимание на следующий факт». Частица *ти* выступает здесь, таким образом, как своего рода «усилитель индикативности»: она подчеркивает, что факт имеет место, и указывает на его значимость для адресата речи» [Зализняк 1993: 299] (разрядка моя. — А. Ц.).

А. А. Зализняк, вероятно, сознавал, что для описания элемента словаря указаний на место в предложении и внутри правила рангов мало. Требуется установить тип значения TI_1 . Указания, оставленные им на сей счет, трудно признать четкими. Сочетаемость с формами наклонения не является типом значения, а выражения «усилительная частица», «фокусная частица» и т.п. остаются условными ярлыками до тех пор, пока не показано, как именно носители языка что-то *усиливают* или *фокусируют*. Кроме того, внешне выраженный показатель вероятности или уверенности говорящего обычно не усиливает, а ослабляет модальность высказывания: если кто-то говорит '*X наверняка придет*', '*X, без сомнения, жулик*', он признает, что рассматривал не только гипотезу *p*, но и гипотезу $\sim p$. В качестве внешнего соответствия к TI_1 А. А. Зализняк (1993, с. 299) приводит арабскую частицу *'inna*. В книге 2008 года А. А. Зализняк повторил тезис о том, что TI_1 в свободном употреблении выступает «прежде всего как своего рода “усилитель индикативности”» (Зализняк, 2008, с. 32), но подробного описания не дал.

2.2. Реальные и гипотетические контексты

Частица TI_1 характерна как для новгородского, так и для южнорусских диалектов (киевского, галицкого, волинского). Она есть в древней части Суздальской летописи, которая может восходить к киевской традиции. Наконец, частица TI_1 была обнаружена в древнечешском языке XIV века (Zimmerling, 2014; Циммерлинг, 2021, с. 503—505]. Вначале рассмотрим контексты новгородских берестяных грамот. В порядке эксперимента будем передавать семантический вклад TI_1 не путем подбора частиц другого языка, а с помощью дискурсивных слов *реально* и *конкретно*, которые в современном русском языке не являются ни клитиками, ни частицами¹⁷.

¹⁷ В примерах (15), (21) и (24.3) TI_1 глоссируется при помощи слова *действительно*, в примерах (19) и (20) — при помощи *таки*. В диалогических контекстах допустимы переводы *самом деле* и *таки да*.

(1) <сто>рови ти₁ есме вохе (Б. гр. 670, ок. 1180–1200 гг.)
'Мы все реально здоровы.'

(2) Дешеве ти₁ хлебе (Б. гр. 424, ок. 1100–1120 гг.)
'Хлеб здесь реально дешевый.'

(3) а продаль ти₁ есемо емоу на с̑сти ногать сковородь (Б. гр. 1004, ок. 1140–1160 гг.)
'А продал я ему конкретно сковородок на шесть ногат.'

(4) а сама ти₁ с̑дивь на лоукахо (Б. гр. 1005, ок. 1140–1160 гг.)
'А сами мы двое конкретно сидим на Великих Луках.'

В примерах (1)–(4) речь идет о событиях действительного мира. В книжных памятниках новгородского диалекта есть контексты, где ТИ₁ относится к гипотетически возможной ситуации.

(5) Рассмотривь како ти₁ грехъ боудеть («Вопрошание Кириково», С5)
'Установив, что в этом случае реально будет грех.'

(6) Рѣ (ѣ) митрополитоу причащатиса попадьи оу своего попа достоить єсть ли ре(ѣ) то грѣ(ѣ) єсть ти₁ оконо помолча («Вопрошание Кириково», К 20)
'<Можно ли попадье причащаться у своего попа, єсть ли здесь грех?>
'Получается, что конкретно єсть> <сказал он> и помолчал.'

(7) Да оже мы до об̑ѣда п̑емъ, то ти₁ простьчемъ и черось ночь (Илья-Иоанн, 1)
'Да коли мы (= духовенство) п̑ем до обеда, то простецы (= миряне) реально станут пить и всю ночь.'

Перейдем к южнорусским памятникам. В эпизоде Повести временных лет под 1069 годом персонаж обсуждает действительное событие и выражает смысл 'Х реально бежал из Киева, не наводи на город поляков, здесь нет твоего врага' при помощи ТИ₁. В Лаврентьевской летописи это место выглядит так:

(8) Сг̑слав же и Всеволодь. посласта к Изаславу г̑лице. Всеславъ ти₁ б̑жалъ. а не воді Лаховъ К̑ьєву. противна бо ти₂ н̑ѣту. аще ли хоцещи г̑н̑ѣвъ им̑ѣти и погубити гра̑а то в̑ѣси ако нама жаль ѡтна стола. (ПВЛ, [Лавр.], 1069 г.)

В той же реплике представлен омоним ТИ₂, ср. *противна бо ти₂ н̑ѣту* 'ведь твоего врага здесь нет'. В Ипатьевской летописи к *н̑ѣту* добавлена связанная частица <ть> ТИ₁, вследствие чего омонимы оказались в пределах одной клаузы, но в разных синтаксических позициях¹⁸.

¹⁸ В Хлебниковском и Погодинском списках в этом месте стоит *н̑ѣтоу*, что побуждает считать -ть добавлением Ипатьевского летописца.

(9) Сѣслав же и Всеволодъ посласта. къ Изаславу глѣце. **Всеславъ ти₁ бѣжалъ.** а не води Лаховъ Кыеву. противнаго **ти₂ нѣтутъ₁** (ПВЛ, [Ипат.], 1069 г.)

В Волынской и Галицкой летописях встречаются как реальные, так и гипотетические контексты с ТИ₁. В примере (10) обсуждается реальное событие прошлого; в первой клаузе представлено местоимение ТИ₂, а во второй — частица ТИ₁.

(10) без лѣпа **т₂ са** прить. а **самъ ти₁ избилъ твои люди.** (Вол. [Ипат.], 1279 г.)

‘Он нескладно/нагло тебе врет, в то время как сам он **реально и перебил твоих людей.**’

В примере (11) обсуждается гипотетически возможная ситуация будущего: гонцу даны инструкции, как вести себя, если хан не захочет возвращаться:

(11) пой же емоу пѣсни Половѣцкиа. Сѣже **ти₁ не восхочеть.** даи емоу поухати зелья именемъ ѿшанъ (Гал. [Ипат.], 1201 г.)

‘Пой же ему половецкие песни. Если **конкретно будет так**, что он не захочет <возвращаться на родину>, дай ему понюхать того зелья, которое называется полынь.’

Та же двойственность характерна для ТИ₁ в Суздальской летописи, где представлены как реальные, так и гипотетические контексты. В (12) обсуждается актуальное событие настоящего ‘X находится здесь’, связанное с событием прошлого ‘X пришел’:

(12) не лежи княже **Глѣбъ ти₁ пришелъ на та.**

‘Вставай, князь. Глеб **реально пришел** <чтобы напасть> на тебя’ (Сузд. [Лавр.], 1148 г.)

В (13) и (14) ТИ₁ отсылает к гипотетически возможной ситуации будущего и отмечает наиболее вероятное с точки зрения говорящего развитие событий:

(13) но поидемъ дружино мое. къ Изаславу. то ми ксть срѣце свое. **ту ти₁ дастъ ны власть.** и посласа къ Изаславу. (Сузд. [Лавр.], 1148 г.)

‘Но мы, о моя дружина, пойдём к Изяславу. Тут он **конкретно даст нам власть**» — и он послал <гонцов> к Изяславу’.

(14) Гюрги же речъ. поидемъ к Переяславлю. **ту ти₁ юму прити.** да негли ту покоритса (Сузд. [Лавр.], 1149 г.)

‘Гюрги же сказал: «Пойдем к Переяславлю. Его **конкретно следует ожидать там.** Может, там сдастся нам на милость»’.

Итак, в памятниках всех диалектов ТИ₁ может отсылать как к действительному событию, так и к гипотетически возможному исходу.

2.3. Сочетаемость с формой оптатива

В книге 2008 года А. А. Зализняк (2008, с. 32), не отказываясь от признания $ТИ_1$ энклитикой ранга 4, менее категорично описывает сочетания $ТИ_1$ с оптативной частицей $БЫ$. По его мнению, чистых примеров, подтверждающих, что $ТИ_1$ (ранг 4) непосредственно предшествует $БЫ$ (ранг 5), почти нет, за вычетом предложений, где *бы* стоит после начального союза *дати / дать* (<да + $ти_1$), см. *дад бы хорь не попортиль* 'что-бы моль не попортила' (Б. гр. №413, ок. 1400–1410 гг.). Эта оговорка логична: если частица $ТИ_1$, как утверждает А. А. Зализняк, — показатель «усиленной индикативности», ее не стоит искать в косвенном наклонении. Тем не менее примеры комбинации свободного $ТИ_1$ с $БЫ$ существуют. В эпизоде «Повести временных лет» под 1097 годом обсуждается ситуация, которую можно считать контрфактической: 'У (= князь *Святополк*) не изблжил Х-а (= *Василька*), но если он бы его изблжил, это надо было делать публично, а время для этого прошло'.

(15) аще $ти_1$ (ранг 4) **бы** (ранг 5) вина каа была на нь вблжилить **бы** и пред нами. и оупрѣвы и и створить юму а нонѣ ави вину юго (ПВЛ [Лавр.] 1097 г.)

'Если **бы** Х действительно был изблжен, то его надо бы облжить по суду в нашем присутствии и наказать после этого, а теперь предьявляй доказательства.'

Сочетание свободных частиц $ТИ_1$ и $БЫ$, видимо, было редким. В другой группе списков (Ипат., Х. П.) в параллельном месте восстанавливается омоним $ТИ_2$ 'тебе'.

(16) аще **бы** (ранг 5) $ти_2$ (ранг 6) вина кааа была на нь вблжилить бы пред нами (ПВЛ [Ипат.], 1097 г.)

'Если бы у тебя на руках были доказательства вины Х-а...'

Итак, древнерусский язык допускал $ТИ_1$ в контексте частицы $БЫ$ при рассмотрении логически возможных исходов. Тем самым тезис о том, что $ТИ_1$ было маркером индикатива, неверен.

2.4. Древнерусское $ТИ_1$ и арабское 'INNA

В книге 1993 года А. А. Зализняк сопоставил $ТИ_1$ с частицей 'INNA в классическом арабском языке. Последнюю он тоже называет «усилителем индикативности»: «Близким типологическим аналогом древнерусского *ти* может служить также и арабская частица 'inna. Ее традиционный перевод — «воистину». Он неточен в стилистическом отношении: у арабского 'inna нет той возвышенной окраски, которая свойственна русскому *воистину*. Однако сама функция «усилителя индикативности» этим переводом в значительной степени уловлена» (Зализняк,

1993, с. 299). Подтверждение этой параллели А. А. Зализняк видит в том, что ни др.-рус. ТИ₁, ни араб. 'INNA не сочетаются с императивом: «...следующий непосредственно наблюдаемый факт: частица *tu* (в отличие, скажем, от *je*) не сочетается с императивом... Интересно отметить, что точно такое же ограничение действует в арабском языке во фразах с '*inna*» (Там же).

В книге 2008 года параллель с 'INNA опущена. В 2016 году А. А. Зализняк составил краткий очерк арабского языка, но упоминание 'INNA предельно кратко¹⁹. Разбор употреблений 'INNA дается в (Акинина, 2008). В. Абдур Рахим указывает следующие характеристики данной частицы: 1) она употребляется только в именных предложениях; 2) 'INNA является эмфатической частицей, близкой по значению английским словам *indeed, verily, truly, surely*; 3) 'INNA меняет падеж подлежащего с им. п. на вин. п. (Abdur Rahim, 2016). Признаки 1) и 3) не соответствуют характеристикам ТИ₁. То, что 'INNA не употребляется в императиве, для арабского языка является тривиальным следствием того, что в именных клаузах императива нет. Напротив, для ТИ₁ несовместимость с императивом нетривиальна, поскольку ТИ₁ употребляется в финитных клаузах, где императив возможен. К этому можно добавить различия в просодии. ТИ₁ является односложной энклитикой, которая не может стоять в начале предложения, в то время как 'INNA является двусложным словом, преимущественно употребляемым в начальной позиции (Акинина, 2008, с. 28–30). В неусеченной форме 'INNA способно присоединять связанные личные местоимения вин. п. (Там же, с. 63); последние обычно называют «суффижированными местоимениями», но иногда интерпретируют как (эн)клитики (Albuḥayrī, 2013, p. 41, 76) (таблица 4).

Таблица 4

Арабское 'INNA и древнерусское ТИ₁

Признак	'INNA	ТИ ₁
Тип клаузы	Именной (нефинитный)	Финитный (глагольный и связочный)
Несовместимость с императивом	Тривиальна	Нетривиальна
Сочетаемость с опгативом	Отсутствует	Возможна
Падежная маркировка подлежащего	Меняет падеж подлежащего именной клаузы: NOM → ACC	Добавление ТИ ₁ не меняет падеж аргументов
Просодический статус	Ударное слово	Энклитика

Арабское 'INNA не указывает на канал получения информации о том, что *p* имеет место. Иными словами, сам говорящий выступает гарантом утверждения *p*, но не дает слушателю ключ, как проверить его утверждение. То же самое, как показано ниже в разделе 3, характерно для ТИ₁. Эта параллель между арабской и древнерусской частицами А. А. Зализняком не обсуждается.

¹⁹ «Частицы... '*inna* 'воистину', 'вот'» (Зализняк, 2016, с. 72).

2.5. Промежуточные итоги

- Частица TI_1 диагностируется на основании формальных критериев (место в правиле рангов энклитик), но описание ее как единицы древнерусского словаря отсутствует.
- «Индикативность» не является ни конкретным языковым значением, ни типом значения.
- «Усиленная индикативность» невозможна. Высказывания с эпистемическим оператором X , *без сомнения, жулик*, не являются усиленным вариантом категорических высказываний вида $X - жулик$.
- TI_1 комбинируется не только с индикативом, но и с оптативом.
- Значение древнерусского TI_1 связано с оценкой истинности пропозиции, относящейся либо к действительному, либо к возможному миру.

3. Верификативность и показатели верификации

В данном разделе демонстрируется, что TI_1 относится к числу *верификативных* маркеров, указывающих на то, что говорящий подтвердил логическую истинность p . Такие маркеры могут иметь несегментное (просодическое) выражение (Янко, 2008, с. 23, 155–163; 2019; Lohnstein, 2018), но они также могут соответствовать единицам словаря. Неполный набор наречий, частиц и прилагательных, вставляемых в связочное предложение *Ханс – жулик*, иллюстрируется на примере русского языка в (17а-с).

(17) а. Ханс действительно_{ADV} / таки_{PRT} жулик.

б. Ханс конкретно_{ADV} / реально_{ADV} жулик.

с. Ханс всамделишный_{ADJ} жулик.

Подтверждение отрицательной гипотезы $\sim p$ будем называть значением *фальсификации*. Для тех языков, где значения верификации и фальсификации выражаются одними и теми же сегментными средствами, а слова верификации и фальсификации параллельно используются в неотрицательных и в отрицательных клаузах, значение фальсификации можно признать комбинацией собственного значения маркера с отрицанием²⁰.

²⁰ Верификативность как тип значения следует отличать от используемого в формальной семантике понятия *веридиктальности* (veridicality). Последнее указывает на отношение между пропозицией и утверждением говорящего о ее истинности (Giannakidou, 1998). Отсутствие веридиктальности (non-veridicality) в русской лингвистической традиции называют *снятой утвердительностью* (Падучева, 2015).

3.1. Показатели верификации в древнерусском языке

Если в древнерусском языке были другие маркеры верификации, необходимо выяснить, могло ли ТИ₁ с ними комбинироваться. Кандидат для проверки — эксплицитно выраженная связка 3 л. (ед. и мн. ч.) глагола *быти* в конструкции перфекта на фоне преобладающего употребления нулевой связки 3 л. в коммуникативно-нейтральных высказываниях (Шевелева, 2002; Циммерлинг, 2022б)²¹. Далее данный маркер обозначается 'ЕСТЬ_{PERF}'²².

3.2. Верификативное ЕСТЬ_{PERF}

Примеры верификативного / фальсификативного ЕСТЬ_{PERF} встречаются у тех же новгородских авторов XII века, которые используют частцу ТИ₁.

(18) Лжють, рече — не молвить_{SG.M} есть_{3SG} того никоторы же еписѣпъ_{NOM.SG.M} («Вопрошание Кириково», K87)
'Это ложь, — сказал <Нифонт>, — да не говорил такого ни один епископ.'

(19) а прості *и*_{ACC.SG.M} Богъ, яко неправдоу есть_{3SG} молвить_{SG.M} («Почтение Ильи-Иоанна», 18)
'Да прости его Бог, ведь он <человек, который объявил о том, что хочет сложить с себя сан, хотя на самом деле не хотел> таки сказал неправду.'

(20) а силще того дела есть_{3SG} поставить_{SG.M} («Вопрошание Кириково», K87).
'Если он-таки поставил силок специально ради того, чтобы съестъ мясо удавившегося животного, < то следует наказание>.

Формы 3 л. *есть*, *суть* имеют характеристики презенса индикатива глагола *быти*, поэтому употребление ЕСТЬ_{PERF} в оппозитиве исключено.

3.3. Эвиденциальное ЕСТЬ_{PERF}

При передаче чужой речи или мнения внешне выраженная связка перфекта 3 л. сигнализирует в древнерусском языке значение *косвенного эвиденциала*: Y (говорящий) передает вывод X-а о том, что p истинно или ложно, но не берет за него конечной ответственности. Так, в эпизоде из

²¹ В древнерусский период верификативное *есть* / *суть* согласуется с подлежащим перфектной клаузы в числе, а перфектное причастие согласуется с подлежащим контролем в числе и роде.

²² Для древнерусских памятников XI — начала XII века помета 'ЕСТЬ_{PERF}' должна быть уточнена, поскольку в этот период у части древнерусских авторов достаточно сохранялась ненулевая связка перфекта 3 л., употребляемая вне связи с выражением верификативного и экзистенциального значений.

Ни $ТИ_1$, ни $ЕСТЬ_{PERF}$ не употребляются атрибутивно, но их можно оценить в плане соответствия значениям (23.1) и (23.2).

- $ТИ_1$ соответствует (23.1), но не (23.2), в то время как $ЕСТЬ_{PERF}$ частично соответствует и (23.1), и (23.2).

- Значение 'многие Y -и считают, что p' нельзя выразить ни с помощью $ЕСТЬ_{PERF}$, ни с помощью $ТИ_1$, но значения типа ' Y считал, что p / верил в p / утверждал, что p' ', отсылающие к речевому акту Y -а, совместимы с употреблениями $ЕСТЬ_{PERF}$.

3.6. Верификация в юридическом контексте

Верификация p , маркируемая частицей $ТИ_1$, может строиться на процедуре доказательства p . Подходящий юридический контекст представлен в новгородской берестяной грамоте №907 (1100–1120 гг.), адресованной посаднику *Гюряте Роговичу* и написанной следователем *Туком*, ведшим дело о краже княжеского (то есть государственного) имущества. Тук использовал в своем отчете $ТИ_1$ четыре раза, плюс еще один раз на обороте в недописанной фразе. Приведем его текст с разбиением на строки.

(24) Б. гр. №907 (ок. 1100–1120 гг.)

<внешняя сторона>

Строка 1	грамота ѿ тоука: къ гюратѣ: крали <u>ти₁</u> братьни холопи а оу брата
Строка 2	а нѣнѣ <u>ти₁</u> са съмьльвивѣ съ близокѣ: вѣтъкале вѣ [т]оу татѣбоу вѣ
Строка 3	тоѣ мѣсто татѣбѣ
Строка 4	а оу него <u>ти₁</u> крадено атъ <u>ти₁</u> възаль оу иванѣ
Строка 5	кова съмьръда:гъ гривнѣ: а татѣбоу кънажоу
Строка 6	потаиль

<внутренняя

сторона>

Строка 1	а оу него <u>ти₁</u> к
----------	-----------------------------------

В переводе на современный бюрократический русский язык отчет Тука может выглядеть так:

(25) X (= следователь Тук) заявляет:

⇒ (25.1) крали ти₁ братьни холопи а оу брата

'Факт кражи холопами X -а реально имел место <в прошлом>, но крали они у самого X -а <а не у государства>'

⇒ (25.2) а нѣнѣ ти₁ са съмьльвивѣ съ близокѣ

'А теперь реально имеет место факт сговора Y -а (брата X -а) с его родственниками.'

⇒ (25.3) а оу него ти₁ крадено

'А Y -а действительно обокрали.'

⇒ (25.4) ать **ти₁** възаль оу иванькова сьмьръда:ґ гривнь: а татьбоу кьнажоу потаиль

‘Однако *Y* **конкретно** взял у смерда *Z*-а три гривны <за сокрытие кражи>, скрыв факт кражи государственного имущества.’

Тук сообщает о том, что утверждения (24.1) – (24.4.) истинны, но ничего не говорит о том, как именно он это выяснил. Адресату письма предлагается принять их на веру, если он сочтет описанную цепь событий правдоподобной. Абстрагировавшись от менталитета следователя и обстоятельств преступления XII века, которые должны изучать филологи и историки, выведем релевантные характеристики $ТИ_1$ как элемента древнерусского словаря.

(i) $ТИ_1$ не содержит отсылки к акту верификации, произведенному говорящим или кем-то еще. Говорящий сам выступает гарантом утверждения *p*.

(ii) Употребление $ТИ_1$ не связано с информацией о канале обретения знания *p*. Однако контексты памятников совместимы с рациональным рассуждением, подтверждающим вывод о том, что *p* истинно.

Если обобщения (i) – (ii) верны, то $ТИ_1$ и $ЕСТЬ_{PERF}$ в качестве маркеров верификации не синонимичны: $ЕСТЬ_{PERF}$ всегда отсылает к акту верификации, произведенным самим говорящим, см. примеры в разделе 3.2, или кем-то еще, см. примеры в разделе 3.3. Поэтому $ЕСТЬ_{PERF}$ используется в функции косвенного эвиденциала, а $ТИ_1$ – нет. По той же причине $ЕСТЬ_{PERF}$ может использоваться в альтернативных контекстах вида ‘*p* или $\sim p$ ’, что для $ТИ_1$ исключено.

3.7. Вклад маркера верификации

Маркеры верификации $ТИ_1$ и $ЕСТЬ_{PERF}$ обладают нетривиальными свойствами, которые для $ТИ_1$ можно описать как словарные характеристики, а для $ЕСТЬ_{PERF}$ – как идиоматические особенности предикатной конструкции. Нет примеров, подтверждающих, что эти маркеры сочтались друг с другом в пределах одного предложения. $ЕСТЬ_{PERF}$ во всех употреблениях отсылает к акту верификации *p*, произведенному самим говорящим или кем-то еще. $ТИ_1$ такой ссылки не дает, поскольку говорящий сам является гарантом утверждения *p*. И $ТИ_1$, и $ЕСТЬ_{PERF}$ могут относиться к возможному миру. Носители древнерусского языка употребляли $ТИ_1$ в гипотетических и даже имплицативных контрфактических контекстах, где говорящий, рассматривая множество возможных миров, допускает, что если *p* при некотором сценарии развития событий имеет или имело бы место (князь *X* изобличил *Y*-а, хан *Z* не захотел возвращаться в степь), то *q*. Запрета на употребление $ТИ_1$ в оптативных предложениях нет, в то время как $ЕСТЬ_{PERF}$ в оптативе употребляться не может.

4. Заключение

Мы рассмотрели соотношение формально-грамматических и семиотических объяснений на примере синтактики древнерусской частицы $ТИ_1$ ‘конкретно *p*’, ‘реально *p*’. Существуют корреляции между словар-

ным описанием и семиотикой, а также между формальными моделями и грамматикой. Служебные слова можно рассматривать как маркеры категорий, релевантных для структуры предложения, например категории «утвердительности». Формальные модели рассматривают вхождение этих слов в предложение как позиции, ассоциированные с классами элементов. При лексикографическом описании нужно выделить концепт, владение которым дает ключ к синтактике знака, и соотносить значение конкретного слова с общим значением его лексикографического типа, например «маркеры верификации». Казус с частицей ТИ₁ состоит в том, что данный элемент словаря был верно диагностирован с помощью грамматики рангов, но отсутствие словарного описания не позволило описать его синтактику.

Исследование поддержано грантом РФФ №22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте», реализуемым в Институте языкознания РАН. Я благодарю слушателей конференции «Семиотика. Прошлое и настоящее» (М., Ин-слав РАН, 11–13 октября 2022) и персонально С.М. Толстую и А.А. Гиппиуса. Я также выражаю благодарность О.Г. Акининой за консультацию. Благодарю рецензентов журнала «Слово.ру: балтийский акцент» за замечания. Ответственность за все ошибки лежит на авторе.

Список литературы

- Акинина О.Г. Частицы, подобные *inna* (функционирование и семантика). М., 2008.
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1996.
- Апресян Ю.Д. Активный словарь русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., 2014. Т. 1 : А – Б ; Т. 2 : В – Г ; СПб., 2017. Т. 3 : Д – З.
- Аркадьев П.М. Судьба «морфемы» и отношения между означаемым и означающим в постструктуралистской морфологии : докл. на междунар. конф. «Семиотика в прошлом и настоящем» (Институт славяноведения РАН, 11–13 октября 2022). URL: <https://www.academia.edu/88336709/> (дата обращения: 26.12.2022).
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Беляев О.И., Хомченкова И.А. Соединение именных групп в осетинском языке // *Rhema. Рема*. 2022. №4. С. 32–54.
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Гладкий А.В., Мельчук И.А. Элементы математической лингвистики. М., 1969.
- Глазков А.В. К вопросу о когерентности пары предложений // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2022. №6. С. 185–194.
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 191–319.
- Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Зализняк А.А. Конспект арабской грамматики // *Вестник Московского университета*. Сер. 13: Востоковедение. 2016. №4. С. 62–72.
- Кравченко А.В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13, №3. С. 7–24.

- Крылова Э. Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М., 2021.
- Левонтина И. Б. Частицы речи. М., 2023.
- Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964.
- Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3 / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. С. 347–556.
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М., 1974.
- Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
- Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. Vol. 39, №2. С. 129–162.
- Пильщиков И. А. Семь бесед о филологии и Digital Humanities. М., 2022.
- Плунгин В. А. К проблеме морфологического нуля // В. И. Беликов [и др.] (ред.). Знак : сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журицкого. М., 1994. С. 148–155.
- Поливанова А. К., Кейдан А. Нейтрализация // «Вперед и вверх по лестнице звучащей» : сб. ст. к 80-летию Ольги Фёдоровны Кривновой / И. М. Кобозева, К. П. Семёнова, А. Э. Костюк [и др.] (общ. ред.). М., 2023. С. 159–177.
- Ревзин И. И. Субъективная позиции исследователя в семиотике // Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971 (Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 284) С. 334–344.
- Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994.
- Степанов Ю. С. Слово. Из статьи для словаря концептов («Концептуария») русской культуры // Philologica. 1994. Vol. 1, №1-2. С. 11–31.
- Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
- Циммерлинг А. В. Одушевленность. Русский язык // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2020. Вып. 24. С. 43–56.
- Циммерлинг А. В. От интегрального к аспектвному. М. ; СПб., 2021.
- Циммерлинг А. В. Предикаты состояния и семантические типы предикатов // Онтология на ситуации за состояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски / С. Коева, Е. Ю. Иванова, Й. Тишева, А. В. Циммерлинг (ред.). София, 2022а. С. 31–52.
- Циммерлинг А. В. Связка ложь, да в ней намек: формы 3 л. глагола «БЫТЬ» в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2022б. Т. 44, №2. С. 9–84.
- Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. М., 2005.
- Шевелева М. Н. Судьба форм презенса глагола быти по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2002. №5. С. 55–72.
- Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.
- Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи. М., 2008.
- Янко Т. Е. Достоверность и вероятность: регулярная полисемия в зеркале русской просодии // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятия веры в разных языках и культурах / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. Л. Ковшовой. М., 2019. С. 129–140.
- Abdur-Rahim V. Inna: particle of emphasis and accusative case // Understand-Arabic.com. 04.06.2016. URL: <https://understand-arabic.com/2016/04/06/inna-particle-of-emphasis-and-accusative-case/> (дата обращения: 26.12.2022).
- Abraham W. Diskurspartikel zwischen Modalität, Modus und Fremdbewusstseins-Abgleich // 40 Jahre Partikelforschung / hrsg. von Th. Harden, E. Hentschel. Frankfurt a/M, 2010. S. 33–77.

- Albuhayri S.* The Pronominal System in Standard Arabic: Strong, Clitic and Affixal Pronouns : thesis (MA). Arizona State University, 2013.
- Anderson S. R.* A-Morphous Morphology. Cambridge, 1992.
- Austreibung des Geistes aus den Geisteswissenschaften: Programme des Post-strukturalismus* / hrsg. von F. A. Kittler. Paderborn ; München ; Wien ; Zurich, 1980.
- Bach E.* Natural Language Metaphysics // Logic, Methodology, and Philosophy of Science VI / ed. by R. Barcan Marcus et al. Amsterdam, 1986. P. 573–595.
- Chao W., Bach E.* The Metaphysics of Natural Language(s) // Philosophy of Linguistics / ed. by R. Kempson et al. Amsterdam, 2012. Vol. 14. P. 175–196.
- Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague ; P., 1957.
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge MA, 1965.
- Chomsky N.* Derivation by phase // MIT Occasional Papers in Linguistics 18. MITWPL, Department of Linguistics and Philosophy. Cambridge MA, 1999.
- Davidson D.* The Individuation of Events // Essays on Actions and Events / ed. by D. Davidson. Oxford, 1980. P. 163–180.
- Galton A.* Eventualities // Handbook of Temporal Reasoning in Artificial Intelligence / ed. by M. Fisher et al. Amsterdam, 2005. Vol. 1. P. 28–59.
- Giannakidou A.* Polarity Sensitivity as (Non)Veridical Dependency. Amsterdam ; Philadelphia, 1998.
- Haspelmath M.* Types of clitics in the world's languages. December 2022. lingbuzz/007071. URL: <https://ling.auf.net/lingbuzz/007071> (дата обращения: 26.12.2022).
- Heusler A.* Kleine Schriften : in 2 Bdn. Berlin, 1969.
- Jakobson R.* Prinzipien der historischen Phonologie // Travaux du cercle linguistique de Prague. 1931. №4. P. 247–267.
- Jakobson R.* Signe zero // Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally. Genève, 1939.
- Jakobson R.* Boas' view of grammatical meaning // American Anthropologist. 1959. Vol. 61. P. 139–145.
- Jakobson R.* Questions de poétique. P., 1973.
- Karcevskij S.* Du dualisme asymétrique du sign linguistique // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1929. №1. P. 88–92.
- Katz J., Pesetsky D.* The Identity Thesis for Language and Music. 2011. lingbuzz/000959.
- Lohnstein H.* Verum Focus, Sentence Mood and Contrast // The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theoretical, empirical, and typological approaches / ed. by Ch. Dimroth, S. Sudhof. Amsterdam ; Philadelphia, 2018. P. 55–88.
- Longobardi G.* A minimalist program for parametric linguistics? // Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk / ed. by H. Broekhuis et al. Berlin; N. Y., 2005. P. 407–414.
- Martinet A.* Éléments de linguistique générale. P., 1960.
- Mel'čuk I.* General phraseology. Theory and practice. Amsterdam; Philadelphia, 2023.
- Montague R.* Formal Philosophy: Selected Papers of Richard Montague. New Haven, 1974.
- Morris C.W.* Foundations of the Theory of Signs // Writings on the General Theory of Signs. The Hague, 1971. P. 13–71.
- Tarasti E.* Existential semiotics. Bloomington, 2001.
- Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen, 1989.
- Trubetzkoy N.* Prinzipien der historischen Phonologie und Sprachgeschichte // Travaux du cercle linguistique de Prague. 1931. №4. P. 228–234.
- Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Ithaca NY, 1967.

Zeijlstra H. Rethinking remerge: Merge, movement and music // Syntactic architecture and its consequences II: Between syntax and morphology / ed. by A. Bárány et al. Berlin, 2020. P. 43–66.

Zimmerling A. Clitic templates and discourse marker *ti* in Old Czech // New Insights into Slavic Linguistics / ed. by J. Witkoś, S. Jaworski. Frankfurt a/M, 2014. P. 389–403.

Zimmerling A. Linguistics and Cryptophilology // Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday / ed. by L. Iomdin, J. Milićević, A. Polguère. Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N. Y. ; Oxford ; Warszawa ; Wien, 2022. P. 519–529.

Zwicky A. Clitics and particles // Language. 1985. Vol. 61, №2. P. 283–305.

Об авторе

Антон Владимирович Циммерлинг, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-5996-2648

Для цитирования:

Циммерлинг А. В. Конкретно: синтактика без семиотики // Слово.ру. Балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 125–153. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

REALLY: SYNTACTICS WITHOUT SEMIOTICS?

A. V. Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute,
6, Akademika Volgina Str. Moscow, 117485, Russia
Institute of Linguistics, Russian Academy of Science,
1, Bolshoi Kislovskij Lane, Moscow, 125009, Russia

Submitted on December 26, 2022

Accepted on February 09, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9

I discuss the relation of linguistics and semiotics on the basis of the Old Russian discourse particle Т1 'indeed', 'verily', 'truly' discovered by Andrej A. Zaliznjak in 1993. Linguistics and semiotics are different research programmes: the first one deals with specific features of language structures, while the second one discusses general characteristics of all sign systems, from a perspective of interpreting most or all of them as secondary respective to natural language. Formal models of language deal with classes of elements and predict their positions. Lexicographic descriptions provide instructions to the use of particular language items treated as signs with their concepts and syntactics. Functional words including discourse particles allow both approaches. The existence of Old Russian particle Т1 as has been proved by Zaliznjak on the basis of formal conditions, constraining the position of this particle in the clausal structure. Meanwhile, Zaliznjak failed to provide a lexicographical

description of TI_1 and reliable external parallels from other languages. I argue that TI_1 is a marker of verification with the meaning 'p really takes place'. The view that TI_1 expressed enhanced indicativity is not tenable, since this particle was licensed in hypothetical contexts and combined with the optative marker. It is essential to identify the lexicographic type of a functional word in order to get its full syntactics.

Keywords: natural languages, linguistics, semiotics, signs, Old Russian language, particles, verification

This research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00528 "Clausal connectives in sentence and discourse: Semantics and grammaticalization paths" carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

References

- Abdur-Rahim, V., 2016. Inna: particle of emphasis and accusative case. In: *Understand-Arabic.com*. 04.06.2016. Available at: <https://understand-arabic.com/2016/04/06/inna-particle-of-emphasis-and-accusative-case/> [Accessed 26 December 2022].
- Abraham, W., 2010. Diskurspartikel zwischen Modalität, Modus und Fremdbewusstseins-Abgleich. In: Th. Harden and E. Hentschel, eds. *40 Jahre Partikelforschung*. Frankfurt a/M.: Peter Lang, pp. 33–77.
- Akinina, O. G., 2008. *Chastitsy, podobnye inna (funktsionirovanie i semantika)* [Particles of the Class 'Inna': Functions and Semantics]. Moscow (in Russ.).
- Albuhayri, S., 2013. *The Pronominal System in Standard Arabic: Strong, Clitic and Affixal Pronouns*. MA thesis. Arizona State University.
- Anderson, S.R., 1992. *A-Morphous Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Apresyan, Yu.D., 1996. *Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral language description and system lexicography]. Moscow (in Russ.).
- Apresyan, Yu.D., 2014. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. St. Petersburg (in Russ.).
- Arkadiev, P.M., 2022. On the Fate of "Morpheme" and the Differences between Signifying and Signified in Post-structural Morphology. In: *Semiotika v proshlom i nastoyashchem* [Semiotics, its Past and its Future]. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science, 11–13 October 2022. Available at: <https://www.academia.edu/88336709/> [Accessed 26 December 2022] (in Russ.).
- Bach, E., 1986. Natural Language Metaphysics. In: R. Barcan Marcus et al., eds. *Logic, Methodology, and Philosophy of Science*, VI. Amsterdam: North Holland, pp. 573–595.
- Baranov, A.N., Plungyan, V.A. and Rakhilina, E.V., 1993. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive words of the Russian language]. Moscow (in Russ.).
- Belyaev, O. and Khomchenkova, I., 2022. Noun phrase conjunction in Ossetic. *Rhema*, 4, pp. 32–54, <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2022-4-32-54> (in Russ.).
- Chao, W. and Bach, E., 2012. The Metaphysics of Natural Language(s). In: R. Kempson et al., eds. *Philosophy of Linguistics*, 14. Amsterdam: North Holland, Elsevier, pp. 175–196.
- Chomsky, N., 1957. *Syntactic structures*. MIT.
- Chomsky, N., 1965. *Aspects of the theory of syntax*. MIT.
- Chomsky, N., 1999. Derivation by phase. In: *MIT Occasional Papers in Linguistics*, 18. MITWPL, Department of Linguistics and Philosophy. Cambridge, MA.
- Davidson, D., 1980. The Individuation of Events. In: D. Davidson, ed. *Essays on Actions and Events*. Oxford: Clarendon Press, pp. 163–180.

- Galton, A., 2005. Eventualities. In: M. Fisher et al., eds. *Handbook of Temporal Reasoning in Artificial Intelligence*, Vol. 1. Foundations of artificial intelligence, pp. 28–59.
- Giannakidou, A., 1998. Polarity Sensitivity as (Non)Veridical Dependency. John Benjamins.
- Gladkii, A. V. and Mel'čuk, I., 1969. *Elementy matematicheskoi lingvistikii* [Elements of mathematical linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Glazkov, A. V., 2022. To the coherence of a sentence pair. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 6, pp. 185–194, https://doi.org/10.52452/19931778_2022_6_185 (in Russ.).
- Haspelmath, M., 2022. *Types of clitics in the world's languages*. December 2022. Available at: <https://ling.auf.net/lingbuzz/007071> [Accessed 26 December 2022].
- Heusler, A., 1969. *Kleine Schriften*. Vol. 1–2. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- Jakobson, R., 1931. Prinzipien der historischen Phonologie. *Travaux du cercle linguistique de Prague*, 4, pp. 247–267.
- Jakobson, R., 1939. Signe zero. In: *Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally*. Geneva: Georg.
- Jakobson, R., 1959. Boas' view of grammatical meaning. *American Anthropologist*, Vol. 61, pp. 139–145.
- Jakobson, R., 1973. *Questions de poetique*. Paris: Editions Du Seuil.
- Jakobson, R. O., 1985. *Izbrannye raboty* [Selected Writings]. Moscow: Progress (in Russ.).
- Jakobson, R. O., 1987. *Raboty po poetike* [Works on Poetry]. Moscow: Progress (in Russ.).
- Karcevskij, S., 1929. Du dualisme asymétrique du sign linguistique. *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, pp. 88–92.
- Katz, J. and Pesetsky, D., 2011. *The Identity Thesis for Language and Music*. Available at: <https://lingbuzz.net/lingbuzz/000959> [Accessed].
- Kittler, F. A., ed., 1980. *Austreibung des Geistes aus den Geisteswissenschaften: Programme des Poststrukturalismus*. Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh.
- Kravchenko, A. V., 2022. Language and the nature of humanness (Invitation to a discussion). *Slovo. ru: Baltic accent*, 13 (3), pp. 7–24, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-3-1> (in Russ.).
- Krylova, E. B., 2021. *Kommunikationnye funktsii modal'nykh chastits v datskom yazyke* [Danish particles and their communicative functions]. Moscow (in Russ.).
- Levontina, I. B., 2023. *Chastitsy rechi* [Particles of Speech]. Moscow: Azbukovnik (in Russ.).
- Lohnstein, H., 2018. Verum Focus, Sentence Mood and Contrast. In: Ch. Dimroth and S. Sudhoff, eds. *The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theoretical, empirical, and typological approaches*, pp. 55–88.
- Longobardi, G., 2005. A minimalist program for parametric linguistics? In: H. Broekhuis et al., eds. *Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk*. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, pp. 407–414.
- Lotman, Yu. M., 1964. *Lektsii po struktural'noi poetike* [Lectures on Structural Poetics]. Tartu (in Russ.).
- Martinet, A., 1960. *Éléments de linguistique générale*. Paris.
- Martinet, A., 1963. The Groundworks of General Linguistics. In: V. A. Zvegintsev, ed. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics], Vol. III. Moscow, pp. 347–556 (in Russ.).
- Mel'čuk, I., 1974. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl – Tekst»* [The Theory of Linguistic Modeling “Meaning – Text”]. Moscow (in Russ.).
- Mel'čuk, I., 2023. *General phraseology. Theory and practice*. John Benjamins.
- Montague, R., 1974. *Formal Philosophy: Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press.

- Morris, C. W., 1971. Foundations of the Theory of Signs. In: *Writings on the General Theory of Signs*. The Hague: Mouton, pp. 13–71.
- Nikolaeva, T. M., 2008. *Neparadigmaticheskaya lin'vostika (Istoriya «bluzhdayushchikh chastits»)* [Non-paradigmatic Linguistics. A Story of “Wandering Particles”]. Moscow (in Russ.).
- Paducheva, E. V., 2015. Suspended assertion and nonveridicality: the case of Russian Negative Polarity Items. *Russian Linguistics*, 39 (2), pp. 129–162, <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9145-6> (in Russ.).
- Palshchikov, I. A., 2022. *Sem' besed o filologii i Digital Humanities* [Seven Conversations about Philology and Digital Humanities]. Moscow (in Russ.).
- Plungian, V. A., 1994. On Morphological Zero. In: V. I. Belikov et al., eds. *Znak: sbornik statei po lingvistike, semiotike i poetike pamyati A. N. Zhurinskogo* [Symbol. A Digest of Articles in Linguistics, Semiotics and Poetics in memory of A. N. Zhurinsky]. Moscow, pp. 148–155 (in Russ.).
- Polivanova, A. K. and Keidan, A., 2023. Neutralization. In: I. M. Kobozeva et al., eds. *«Vpered i vverkh po lestnitse zuchashchei»: sbornik statei k 80-letiyu Ol'gi Fedorovny Krivnovoi* [Forward and Upward the Sounding Stairs. A Digest of Articles to the 80th anniversary of O. F. Krivnova]. Moscow, pp. 59–177 (in Russ.).
- Revsin, I. I., 1971. On Subjectivity in Semiotics. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam* [Scientific letters of The University of Tartu. Sign Systems Studies], Vol. V (266). Tartu, pp. 334–344 (in Russ.).
- Shaikevich, A. Ya., 2005. *Vvedenie v lingvistiku* [An Introduction to Linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Sheveleva, M. N., 2002. The Fate of the Present Tense Form of “BE” in the Mirror of Old Russian Texts. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, 5, pp. 55–72 (in Russ.).
- Smirnit'skaya, O. A., 1994. *Stikh i yazyk drevnegermanskoi poezii* [The Verse and Language of Old Germanic Poetry]. Moscow (in Russ.).
- Stepanov, Yu. S., 1994. Word. From an Entry for the Dictionary (“Conceptuary”) of Russian Cultural Concepts. *Philologica*, 1 (1–2), pp. 11–31 (in Russ.).
- Stepanov, Yu. S., 1998. *Yazyk i metod. K sovremennoi filosofii yazyka* [Language and Method. On Modern Language Philosophy]. Moscow (in Russ.).
- Tarasti, E., 2001. *Existential semiotics*. Indiana University Press.
- Thurmair, M., 1989. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Max Niemeyer.
- Trubetzkoy, N., 1931. Prinzipien der historischen Phonologie und Sprachgeschichte. *Travaux du circle linguistique de Prague*, 4, pp. 228–234.
- Vendler, Z., 1967. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Vinogradov, V. V., 1972. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. The Grammar of Word]. Moscow (in Russ.).
- Yanko, T. E., 2008. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi* [Intonational Strategies of the Russian Speech]. Moscow (in Russ.).
- Yanko, T. E., 2019. Reliability and Probability: Regular Polysemy in the Mirror of Prosody. In: N. D. Arutyunova and M. L. Kovshova, eds. *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskii analiz yazyka. Ponyatiya very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Linguocultural Studies. Logical Analysis. The Concepts of Belief across Languages and Cultures]. Moscow, pp. 129–140 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Inflection]. Moscow: Nauka (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1993. Studies of the Language of Birch Bark letters. In: V. L. Yanin and A. A. Zaliznyak, eds. *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 godov* [Novgorod Birch Bark Letters from the Excavations of 1984–1989]. Moscow, Nauka, pp. 191–319 (in Russ.).

Zaliznyak, A. A., 2008. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow (in Russ.).

Zaliznyak, A. A., 2016. Outline of Arabic Grammar. *Moscow University Bulletin. Series 13. Eastern Studies*, 4, pp. 62–72 (in Russ.).

Zeijlstra, H., 2020. Rethinking remerge: Merge, movement and music. In: A. Bárány, T. Biberauer, J. Douglas and S. Vikner, eds. *Syntactic architecture and its consequences II: Between syntax and morphology*. Berlin: Language Science Press, pp. 43–66.

Zimmerling, A., 2014. Clitic templates and discourse marker *ti* in Old Czech. In: J. Witkoś and S. Jaworski, eds. *New Insights into Slavic Linguistics*. Frankfurt: Peter Lang, pp. 389–403.

Zimmerling, A. V., 2020. Animacy. Russian language. *Trudy Instituta Russkogo Iazyka imeni V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 24, pp. 43–56 (in Russ.).

Zimmerling, A. V., 2021. *Ot integral'nogo k aspektivnomu* [From Integral Frameworks to Aspective Descriptions]. Moscow; St. Petersburg: Aletheia (in Russ.).

Zimmerling, A. V., 2022a. Linguistics and Cryptophilology. In: L. Iomdin, J. Milićević and A. Polguère, eds. *Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday*. Berlin; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Warszawa; Wien, pp. 519–529.

Zimmerling, A. V., 2022b. States, Events and Predicate Types. In: S. Koeva, E. Ivanova, Y. Tisheva and A. Zimmerling, eds. *Ontologija na situacii za sastojanie – lingvistično modelirane. Săpostavitelno izsledvane za bălgarski i ruski* [The Ontology of the Stative Situations in the Linguistic Models. A Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian Languages]. Sofia: Professor Marin Drinov, pp. 31–52 (in Russ.).

Zimmerling, A. V., 2022c. A tale of two auxiliaries: third person forms of *byti* in Old Russian. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 44 (2), pp. 9–84, <https://doi.org/doi.org/10.31912/rjano-2022.2.1> (in Russ.).

Zwicky, A., 1985. Clitics and particles. *Language*, 61 (2), pp. 283–305.

The author

Dr Anton V. Zimmerling, Professor, Leading Researcher, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Leading Researcher, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-5996-2648

To cite this article:

Zimmerling, A. V., 2023, Really: syntactics without semiotics? *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 125–153. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9.

